

«Я пришел к отцу-солдату...»

Лишь через сорок лет сын смог посетить могилу отца

Я отца совсем не помню. Всю войну мы ждали писем от него, от старшего брата — он служил, но не на передовой, и от сестры — ее принудительно забрали учиться в фабрично-заводское. Жили очень трудно. Младшие сестренки умерли от голода. Мама с утра до ночи работала в колхозе, а я оставался дома. Как мог, копал огород, хотя лопата была больше меня, поливал грядки, носил воду из реки, топил печь. С ранней весны собирал крапиву и лебеду на еду, сушил их на зиму. Летом мы копали корни валерианы и сдавали в аптеку. И в войну, и еще долго после нее наш с мамой суточный рацион состоял в основном из двух картофелин, ложки муки и семян лебеды. Из этого мама пекла «хлеб» по ночам. До сих пор помню, как мама пришла в Пасху с работы, достала картофельное пюре из печи — и заплакала: от пюре осталась только корочка. Это я съел почти все — по ложечке, даже не заметив, что маме под корочкой почти ничего не осталось. Мама сидела на лавке и плакала от усталости, от голода, от обиды, что сын голодный, что сама на ногах еле держится, что от отца писем нет...

Теперь и внуки будут знать, где похоронен прадед

После войны легче не стало. Отец не вернулся — вместо него пришла похоронка. Было это лютый зима. Помню: дверь в избу отворилась, с клубами мороза вошла почтальонка, протянула маме письмо — и обе заголосили. Мама — за отца, почтальонка от отчаяния, что такие письма принесла уже во все дома.

Каждую весну, когда начинал таять снег, женщины-колхозницы отправляли за семенным зерном километров за тридцать-сорок. Пораньше бы спохватиться — можно было привезти на санях, не выматывать женщин, но каждый год они несли зерно по весенней распутице на плечах.

В пятьдесят третьем за нами приехал дядя из Магнитогорска. Каких трудов нам стоило получить из колхоза справку, по которой в городе выдали паспорту!

После службы в армии я стал разыскивать могилу отца. Когда получил из архива письмо, где указано место захоронения, решил его посетить. Это было в восьмидесят пятом. До сих пор помню, как доброжелательно нас с женой встречали на всем пути поезда. В Себежском военкомате

Псковской области подробно объяснили, как добраться до деревни Сутоки, вблизи которой погиб отец. Мы добрались туда к вечеру, а пока нашли председателя, совсем стемнело. Он выслушал нас и устроил на ночлег в общежитие. Для нас затопили печь, пригласили на ужин. Нашлась и поминальная бутылка водки, хотя ее в то время продавали по талонам и с разными ограничениями. Порассказали нам, как шла война в здешних местах — бой были тяжелые, немец укрепился на высотах, а наши гибли в болотах. Утром в сельсовете председатель показал нам Книгу памяти. В ней на черных металлических листах выгравированы имена защитников Родины, перезахороненных в братской могиле деревни Байкино.

Под номером 14 мы нашли имя отца — Антонов Семен Парфилевич, погреб 14.01.44, рядовой.

Дали нам грузик, отвезли в братской могиле. В ту пору в трех деревнях в окрестностях захоронения жили по одному человеку. И знаете, кому многие родственники погибших обязаны сохранением их останков? Старик, который искал тела без вести пропавших, сам их перезахоранивал в братских могилах. В этом колхозе две могилы — на тысячу и на полторы тысячи человек. Больше, чем жителей в соседних деревнях. И это только четверть погибших здесь солдат.

До могилы мы добрались пешком: не замерзший ручей перегородил дорогу машине. Могила возвышалась на пригорке, на ней скульптура воина, надписи золотом на мраморной доске: «Слава воинам, павшим в боях за нашу Родину». Вокруг покой, чистота, зимний лес...

Сердце бешено колотилось в груди: я пришел к отцу, которого помню только по старой фотографии. Слезы невольно навернулись на глаза, а будто вновь вернулся в военную пору, в голодное детство, увидел худенькую, маленькую, вечно усталую маму, ощутил тоску, горечь и боль тех лет.

На могиле родственники погибших прикрепили их фотографии. И мне хотелось, чтобы портрет моего отца был в этом ряду, но вернуться удалось только в прошлом году. На этот раз могилу нашли с трудом — помогали добрые люди. Ни дороги, ни даже тропки к ней не оказалось, все заросло. Упала фигура воина, остались только каменные сапоги и венки. Но вокруг красота и покой: разнотравье, цветы, вырос лес, какого двадцать лет назад в помине не было. И сердце радостно бьется от встречи с отцом. Я прикинул на па-

Завещание друга

ПАМЯТЬ

16-летним мальчишкой Гриша пошел на фронт добровольцем. Бой были жаркие, фашисты жестоко расправлялись с мирным населением Украины.

Деревню, где прошло детство Гриши, сровняли с землей. Отчаянным он был парнем: трижды попадал в плен и каждый раз бежал. Однажды, когда не было надежд на спасение, бойцы решили закопать документы в лесу.

После войны Гриша приехал в Магнитогорск: уж очень много был слышан о металлургическом комбинате у горы Магнитной. Пришел на рудник, был направлен на разгрузку породы в отвальное хозяйство. Трудолюбие помогло ему завоевать авторитет в коллективе. Вскоре Григория избрали в цехком и поручили самый ответственный участок — огородный совет. Время было тяжелое, почти все горняки садили картошку — основной в то время продукт. Благодаря хлопотам Григория Степановича горняки собрали самый богатый урожай. Пришел он как-то в профком и предложил организовать поливные огороды. Некоторые возражали: где столько труб взять? Но трубы нашли, и воду получили 3200 участков площадью по 500 квадратных метров каждый. Григорий Степанович стоял у истоков создания коллективного сада «Горняк», ставшего одним из лучших в городе и области.

Одно долгие мучило Григория Степановича: не мог он доказать свою партийность и участие в войне — документы-то были закопаны в лесу. Писал во все инстанции, даже в ЦК компартии Украины. Отвечали: документы в архиве не сохранились. А насчет участия в войне ему говорили: «Какой ты фронтвик, если три раза был в плену?» Такое было время... Предлагали вступить в партию повторно, но он упрямо твердил, что добьется восстановления.

Как-то приходит в профком и кладет на стол коробочку и документы. Оказалось, это — партбилет, удостоверение участника войны и орден. Заплакал мой друг, и я не сдержался. Выяснилось, что пионеры-следопыты нашли закопанные в лесу документы. На собрании садоводов я рассказал об этой истории. Как же рады были люди за Григория Степановича: любили они своего председателя!

Пришел я однажды с работы, звонит дочка Григория Степановича и сообщает, что папа плохо. Пришел я к другу, собрался он с последними силами и произнес: «Умираю я, Николай. Спасибо тебе за все. Делай добро людям, люби людей». Закрыл глаза и ушел из жизни. С почестями проводили садоводы своего председателя, завалили цветами могилу. Низкий земной поклон тебе, Григорий Степанович, и огромное спасибо за добрые дела.

Николай КОВАЛЕНКО.

Скорбь или радость?

ЭКСПРЕСС-ОПРОС

О Великой Отечественной войне юное поколение знает лишь по книгам, фильмам да по рассказам ветеранов. Мнений много, но все сходится в одном — это страшно. Страшно, когда гибнут люди, тем более столько. Какое горе для нас, когда умирает близкий нам человек! А сколько их — ушедших и не вернувшихся! Однозначно: это — горе всей страны.

Так что это — 9 Мая: праздник Победы или день скорби по погибшим? Этот вопрос я задал людям на улице. Дарья, студентка четвертого курса МАГУ: — Я понимаю, что 9 Мая — это праздник Великой Победы. Но не совсем праздник. Считаю, что по-настоящему это событие почувствовали только те, кто завоевал эту Победу. Мне хочется плакать: через какие муки пришлось пройти людям. Праздничного настроения в этот день у меня нет, есть только гордость за наш народ.

Антонина Николаевна, бухгалтер, 40 лет: — Прежде всего, это — праздник. Но, наверное, уже не такой, как 60 лет назад. А насчет скорби — она есть... Иван Ганджев, работник ММК, 28 лет: — Ни то, ни другое. А еще — разочарование за ветеранов. Победители ведь ли предполагали, что спустя 60 лет народ будет жить в такой нищете, особенно старшее поколение — пенсионеры и ветераны. А для меня 9 Мая — обычный день. Мария Михайловна, пенсионерка, ветеран труда, 73 года: — Конечно же это — великий, особенный праздник. Единственный тем, что в этот день не хочется веселиться. Все вспоминают своих родных, ушедших тогда и поколенных войной. Я уверена, что в каждой семье есть что вспомнить. Михаил Иванович, ветеран Великой Отечественной войны, 84 года: — Это великий праздник. Может быть, самый главный. Я ведь воевал, оставил там много друзей. Но в тот день мы все радовались, позавбав об всем. И так должно быть всегда. Сколько людей, столько и мнений. Поколения разные... Иван МАНЬКО.

Стихи фронтовика

ЛИХОЛЕТЬЕ

Хочу рассказать о своем отце Алексее Андреевиче Шеметове. Он родился в 1911 году в Карагайке. Война застала его в Магнитогорске. 22 июня 1941 года он с тремя братьями ушел на фронт, а вернулся один. Воевал на Ленинградском фронте, был водителем, исколесил всю Дорогу жизни на Ладоге. Когда в наш дом приходили письма с фронта, это было огромным событием, так как чаще всего они были в стихах. К нам приходили соседки, усаживались на выскобленные добели полы, мама читала письмо — и все женщины плакали. Мне, тогда четырехлетней малышке, было непонятно, почему. Мои родители воспитали большую семью, всем дали образование, за что мы им благодарны. Они уже давно в мире ином. Письма с фронта, к сожалению, не сохранились, но остались несколько стихотворений, написанных к 30-летию Победы над Германией. Я понимаю, что написаны они не профессиональным поэтом, а простым русским человеком, который свои чувства и мысли выразил в этих строках. Я часто их перечитываю, вспоминаю те далекие военные годы, плачущих женщин, и у меня тоже катятся слезы.

Галина МУРАВЬЕВА.

Березки

Опять на русскую природу я надеяться не могу. Стоят по годика от роду березки белые в снегу.

Пылала роца в Подмосковье, мы бой вели почти в упор, и пламенел залитый кровью полей заснеженный простор.

Мы отступать не собирались, ведь позади была Москва, вот тут-то нам комбат-урадец и крикнул всем: «За мной, братья!»

И вспомнил я опять комбата, что честь Москвы не уронил... Его тогда я в час заката среби берез похоронил.

Здесь так и не было прохода к Москве заклятому врагу... Стоят по годика от роду березки белые в снегу.

Фронтовики

И вновь зовут далекие маршруты, и в пятьдесят еще не старики, хотя порою кажутся кому-то постарше лет своих фронтовики.

В боях длинной была одна минута, что всем земным законам вопреки... Вот потому, и только потому-то, постарше лет своих фронтовики.

Алексей ШЕМЕТОВ.

Уйти на войну проще, чем с нее вернуться.

Сергей АСКОВ

В списках не значится

ПОХОРОНКА

Началось с того, что мы прочитали в «ММ» объявление о начале регистрации детей погибших солдат Великой Отечественной. Мы с сестрой и братом обратились за документами о гибели отца в военкомат Ленинского района, но там нашли только запись о его отправке на фронт.

Константин Павлович Кузьмин, 1910 года рождения, прошел финскую, воевал два года на фронтах Великой Отечественной, в

тридцать два отдал жизнь за Родину. Как могло случиться, что в военкомате нет сведений о смерти солдата? Это очень обидно. Ведь семья в августе 1942 года получила похоронку. Единственное свидетельство смерти отца, которое у нас осталось, — письмо лейтенанта-содержимца с соболезнованием.

Это правильно, что на страницах «ММ» обращаются к теме воспоминаний о войне. Жаль только, что в государственном архиве погибших, вспомнили лишь через ше-

стьдесят лет. Я считаю, это государство отняло у нас отца, у мамы мужа — она овдовела еще молодой женщиной. Светлая память маме: была малорамотная, но мудрая женщина, посетила нам всю себя. Мы выросли, заработали пенсию, пока еще живы все. И чтим память своих родителей. Но мы не вечны, а хотелось, чтобы имя отца было занесено в Книгу памяти. Запрос о его гибели мы направили в Подольский центральный архив Минобороны РФ. Будем ждать ответа.

Нина ЩУГОРЕВА.

Летние каникулы Юрия Бушуева

ДЕТИ ВОЙНЫ

Этому снимку более сорока лет: доменишк Юрий Бушуев разматывает перед стартом во время цеховых соревнований. В январе ему исполнилось 79, Юрий Иванович и по сей день дружит со спортом. Ежедневная утренняя зарядка — обязательный атрибут распорядка дня. Курить бросил более тридцати лет назад. Он бодр и активен. После выхода на пенсию и увольнения с комбината Бушуев долгие годы работал учебным мастером на военной кафедре МГТУ. Но девять лет назад тяжелый недуг приковал к постели его жену Галину Петровну. Все эти годы Юрий Иванович ухаживает за ней, и лишь иногда передает «дежурство» дочери, чтобы пару часов посвятить своему давнему увлечению — рыбной ловле. Особенно он любит подледную рыбалку. На этом поприще имеются у Бушуева рекорды: судак, пойманный на живца в Урале, весом 2,8 килограммов, и лещ на два с половиной кило из Верхнеуральского водохранилища, угодивший на его летнюю удочку.

Человек он общительный, поговорить с ним всегда в радость. А не так давно узнал я, что детство Бушуева прошло в Ленинграде, а сам он родом из-под Ржева Калининской области. В городе на Неве он жил с родителями с тридцати первого года до начала войны. До сих пор как свои пять пальцев знает Васильевский остров. Отец его, Иван

Егорович, работал в Северо-западном речном пароходстве матросом, коцгаром, а потом капитаном буксира. Знал Неву, как говорится, «от и до», поэтому во время блокады Ленинграда Иван Егорович многократно водил караваны с продовольствием, медикаментами и боеприпасами по Дороге жизни Невы-Ладога. Однажды ему даже пришлось проводить подводную лодку с Балтийского моря. Удостоен наград, а после войны долгие годы работал диспетчером все в том же пароходстве. Умер он 9 Мая, когда страна отмечала двадцатилетие Победы.

Летом сорок первого Юра Бушуев как раз окончил семь классов и поехал на каникулы в бабушке в деревню Маслово Калининской области. Приехал десятого июня, а через одиннадцать дней началась война. Родители хотели эвакуировать сына вместе с другими ленинградскими детьми в безопасные районы страны, поэтому просили его срочно вернуться в Ленинград. Больше недели подросток добирался до Ленинграда по железной дороге, побывал в Рыбинске, Ярославле, Владимире, доехал до Москвы, а до Ленинграда так и не добрался. Первого октября вернулся в деревню к бабушке. А восемнадцатого числа Маслово оккупировали фашисты. В оккупации ленинградский подросток провел десять месяцев. 14 августа 1942 года родная деревня Бушуевых осво-

бождена советскими войсками, а город Ржев, который немцы назвали «ключом к столице СССР — Москве» и который находился всего в 17 километрах от Маслово, освободили только в сорок третьем.

Юрий Иванович вспоминает, что немцы были разные. Пришлось ему столкнуться с жестокими и даже свирепыми, но встречались и добрые. Был один офицер по имени Шульц. Он побуждал советскими войсками, а город Ржев, который немцы назвали «ключом к столице СССР — Москве» и который находился всего в 17 километрах от Маслово, освободили только в сорок третьем.

Юрий Иванович вспоминает, что немцы были разные. Пришлось ему столкнуться с жестокими и даже свирепыми, но встречались и добрые. Был один офицер по имени Шульц. Он побуждал советскими войсками, а город Ржев, который немцы назвали «ключом к столице СССР — Москве» и который находился всего в 17 километрах от Маслово, освободили только в сорок третьем.

Юрий Иванович вспоминает, что немцы были разные. Пришлось ему столкнуться с жестокими и даже свирепыми, но встречались и добрые. Был один офицер по имени Шульц. Он побуждал советскими войсками, а город Ржев, который немцы назвали «ключом к столице СССР — Москве» и который находился всего в 17 километрах от Маслово, освободили только в сорок третьем.